

КАК-ТО трудно поверить, что вот уже два десятилетия нет с нами Исаака Осиповича Дунаевского, веселого запевалы, звонкого горниста нашей песенной армии, признанного лидера и классика советской песни. За эти двадцать лет никогда не переставали звучать прославленные песни и марши Дунаевского: они неизменно украшали наши праздники и спортивные парады, звенели в рупорах радио в качестве позывных Москвы, гремели на молодежных балах и комсомольских съездах. «Широка страна моя родная», «Легко на сердце от песни веселой», «Каховка», «Марш энтузиастов», «Песня о веселом ветре»... Его мелодии и сегодня радуют широчайшую аудиторию телевидения и кино, они живут в опереттах, во множестве вальсов, спортивных маршей, лирических романсов. Они сохраняют свой граненый, сверкающий блеск, блеск нержавеющей стали. Их можно назвать вечноцветущими мелодиями.

Дунаевский был начинателем и первопроходцем почти во всех жанрах нашей массовой музыки. Ему мы обязаны успехом первых советских оперетт, начиная от сатирических «Женихов» 1926 года. Он одним из первых освоил красочные средства джаза, доказав, что этот оригинальный вид инструментальной музыки, рожденный на чужой почве, может вполне успешно развиваться и в совершенно ином идейном русле. Наконец, Дунаевский — признанный пионер советского музыкального фильма, создавший вместе с Г. Александровым, а затем и с И. Пырьевым не забытые и поныне образцы современной кинооперетты.

Необычно сложилась судьба этого талантливейшего человека, много лет проработавшего в скромной роли дирижера различных театров Харькова, Москвы, Ленинграда. В тот день, когда с экранов впервые прозвучали зажигательные мелодии «Марша веселых ребят» (25 декабря 1934 года), Дунаевский сразу стал всенародно знаменитым. Взлет его творческой активности в те далекие 30-е годы был поистине удивительным: за шесть — семь предвоенных лет он оформил восемнадцать кинофильмов, написал музыку к нескольким опереттам («Золотая долина», «Дороги к счастью»), создал многие песни, ставшие своего рода эталонами современного стиля, «стиля Дунаевского». Вскоре после баснословного успеха «Веселых ребят» и «Цирка» Дунаевский был избран в Верховный Совет

РСФСР, стал председателем Ленинградского отделения Союза композиторов, удостоился ордена Трудового Красного Знамени и Государственной премии СССР. Его именем был назван большой волжский теплоход.

За короткий срок сложилась вполне индивидуальная композиторская манера Дунаевского, определились типические жанры его песенного искусства: молодежная песня-марш, военно-романтическая баллада-воспоминание, сатирические куплеты, современный лирический романс. Слушателям полюбились его пластичные упругие мелодии, радующие ясностью контуров, ритмической остротой, юношеской энергией и эмоциональной многоплановостью. Его стали именовать певцом юности, поэтом светлых, жизнерадостных состояний.

Многие из тех, кто был тогда молд и радовался бурной весне социалистического созидания, жили, трудились, мечтали и влюблялись с песнями Дунаевского на устах. Именно этому поколению выпала честь одержать победы на Волге и на Шпрее, а потом освоить мирный атом и построить первые космические корабли. Вместе с любимым композитором они имели основание гордиться и ликовать в дни праздников и побед: «И тот, кто с песней по жизни шагает, — тот никогда и нигде не пропадет!»

Когда же началась тяжелая страда войны, казалось, что смеющейся музе Дунаевского нет места рядом с бомбами, танками и фронтовыми эшелонами. Потребовались иные, более суровые и яростные песни. Но композитор и в это нелегкое время продолжал свой путь активного художника, трибуна, воспитателя масс. Он много разъезжал по стране с руководимым им ансамблем песни железнодорожников, по-прежнему неустанно сочинял (вспомните «Дорогу мою столицу», 1942 год). Лучшие довоенные песни композитора сохраняли свою немеркнущую силу, укрепляя в людях чувства советского патриотизма и помогая им воевать. На мотив «Каховки» пели о партизанах Белоруссии, о героях боев под Чижовкой или Сычевкой, на мелодию «Напитан, капитан» складывали злые, сатирические куплеты про ненавистного фюрера... Когда партизанам Ковпака нужно было испытать залетевших к ним парашютистов — не враг ли это, — испытуемым предлагали спеть «Песню о Родине» Дунаевского...

После войны композитор вновь переживает полосу

СОЛНЕЧНЫЙ ДАР ДУНАЕВСКОГО

больших успехов. В это последнее десятилетие своей жизни он выступает с новыми, быть может, лучшими опереттами («Вольный ветер», «Белая акация»), с новыми популярными фильмами («Весна», «Кубанские казаки»). Молодежь с пренебрежением увлечением запела его «Школьный вальс», «Летите, голуби», «Пути-дороги», «Ой, цветет калина»... Он, как и в прежние годы, с блестящим ораторством на музыкальных дискуссиях, споря с догматиками и «пуританами», пишет страстные статьи в защиту художественного мастерства и хорошего вкуса, посещает пионерские лагеря и студенческие клубы, активно переписывается с молодежью.

Сегодня, когда «индустрия развлечений» столь властно, самодержавно оккупирует наш массовый музыкальный быт, становится особенно ценным поучительный опыт Дунаевского. Работая в общедоступных, «веселых» жанрах музыки, он никогда

не сводил свое искусство к легкому развлечению, к бездумному заполнению массового досуга. Не просто развлекал, а воспитывать, духовно возвышать современного человека, не «щекотать» слух, а учить, будоражить, звать к активному действию и благородным делам. Он стремился создавать новый слой песенной лирики, которая была бы по его словам «творчески созидательной, романтической, широкой и человечески простой». «Ведь лирика прежде всего в любви человека к Родине, к земле, породившей тебя, в борьбе за счастье этого человека, за красоту жизни, за расцвет земли». — писал композитор одной из своих юных корреспонденток. В канун широкого смотра нашего «песенного хозяйства» на предстоящем в Киеве Всесоюзном пленуме композиторской организации страны творческий облик этого художника-гражданина, его наследие должны стать критерием в оценке многих явля-

ний, наблюдаемых сегодня в искусстве.

Высокая гражданственность, слияние мелодической меткости с емкостью, весомостью поэтических обобщений — вот что в первую очередь обеспечило такую счастливую долговечность лучшим песням Дунаевского. Пока еще никому не удалось достичь подобной широты выражения советского пагритизма, как автору «Песни о Родине», создать столь же величественный гимн славу труда и творческой мысли, каким оказался «Марш энтузиастов». Это песни-знамена, песни-эмблемы нашего сложного и прекрасного времени.

Дунаевский не раз показывал пример исключительной профессиональной выскателности, упорства в достижении цели, творческой требовательности к себе и другим. Кажущаяся «легкость» его мелодий скрывала за собой долгий и порой мучительный труд в поисках наиболее верного и точного решения. Рассказывают, что известный вариант «Песни о Родине» был принят лишь после того, как сам автор забраковал тридцать шесть неудавшихся вариантов!

Дунаевский хорошо знал все стороны далеко не простого композиторского ремесла: он отлично оркестровал, блистательно импровизировал на рояле, владел скрипкой, дирижировал, хорошо разбирался в поэзии и драматургии. С какой непримиримостью осуждал он скороспелость, небрежность, дешевое позерство, беспринципное заигрывание композиторов и исполнителей с отсталой частью публики. Как сердито «отхлестал» он в одном своем письме двух популярных певцов, позволивших себе исказить и ополить хорошую песню. Его раздражало самодовольство неучей, стремящихся прожить легкую жизнь в искусстве за счет бездумной эксплуатации своих музыкальных способностей («Сочинить мелодию они могут, написать к ней примитивный аккомпанемент они могут, а оркестровать, разработать не умеют». — так отзывался он о некоторых своих незадачливых коллегах). В наши дни, когда сочинением песен подчас занимаются люди, не обладающие даже минимумом композиторского мастерства, стоило бы лишней раз напомнить о принципах строжайшей выскателности, горячо отстаиваемой Дунаевским.

Сохранился примечательный фотоснимок, сделанный в Ленинграде в начале 30-х годов: тридцатилетний Дунаевский снят с двумя молодыми друзьями — Леонидом Утесовым и... Дмитрием Шостаковичем. Мне это фото представляется в каком-то смысле символическим: композитор, посвятивший себя

самым популярным жанрам, при этом всерьез интересовался и симфонией, и оперой. Радуюсь величайшим достижениям балетного искусства (ведь верно же говорят, что на свете существует лишь два рода музыки — хорошая и плохая!), Дунаевский смолodu увлекался Чайковским, Бетховеном, Брамсом, следил за успехами современной симфонической музыки. Он дружил с известными актерами, с хорошими поэтами — и успех его лучших песен в полной мере разделяли и В. Лебедев-Кумач, М. Исаковский, М. Матусовский, М. Светлов. К этим именам стоит добавить великолепных драматических актеров, впервые спевших с экранов кино его известнейшие песни («Каховка» в исполнении Николая Баталова, песенка Паганеля в исполнении Н. Черкасова); а непревзойденным интерпретатором «Песни о Родине» справедливо считают корифея Большого театра М. Рейзена.

Вероятно, композитор не достиг бы такой емкости и универсальности песенных мелодий, если бы в этом интонационном сплаве не объединились и опыт русской классики, и традиция революционного фольклора, и отзвуки классической оперетты и даже джаза. Чутье и интеллект, вкус и изобретательность мастера спаяли все эти столь разные линии в единое и вполне оригинальное музыкальное целое. Интересно отметить и обратное воздействие музыки Дунаевского на серьезные жанры советской музыки. Известно немало фактов, когда «малые» массовые жанры советской музыки питали жанры высокие и сложные, подобно тому, как реки и ручьи несут свои воды в моря и океаны.

За сорок лет, прошедших после первых триумфов Дунаевского, мы не раз убеждались в живучести, заражающей силе его песенной традиции. Среди его талантливых продолжателей, нашедших в песне свои нехоженые пути, свои свежие интонации, можно назвать Солонина-Седого, рано ушедшего от нас Островского, одаренную Пахмутову, преемственно запечатлевшую совсем иные сферы молодежной романтики 50—60-х годов.

И все-таки как бы ни обновлялась и мужала наша сегодняшняя песня, Дунаевский и поныне остается с нами. И как только вновь наступят торжественные дни всенародного ликования и тысячи людей заполнят площади, улицы и стадионы, мы непременно услышим эти нестареющие напевы, символ вечной молодости нашей страны.

И. НЕСТЬЕВ,
доктор искусствоведения.